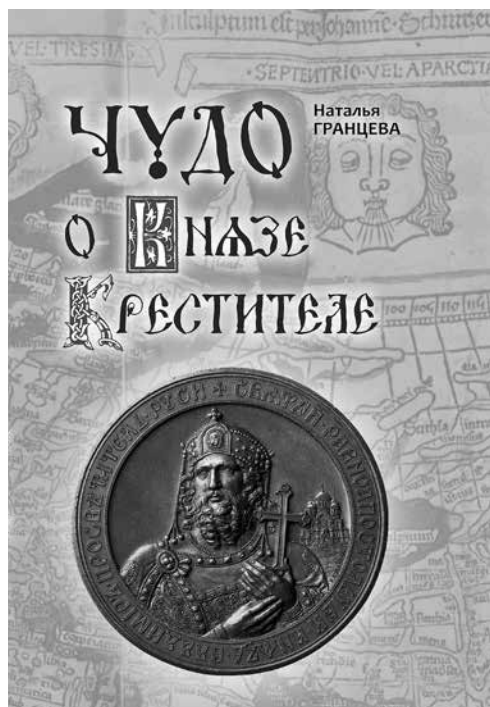

Наталья Гранцева. Чудо о Князе-Крестителе. — СПб.: Журнал «Нева», 2016. — 240 с.

Парадоксально, однако факт: великие имена тоже требуют своих сподвижников. Так, выдающиеся, во многом философские исследования М. М. Бахтина заставили нас по-новому взглянуть на известные романы Ф. М. Достоевского. Впрочем, речь сейчас пойдет не только и не столько об интерпретации творчества, сколько о возвращении забытого имени, не побоимся сказать — о *воскресении* забытого поэта. Приведем еще один пример. Иоганн Себастьян Бах в настоящее, весьма требовательное время занимает, согласимся, лидирующую позицию в сонме выдающихся композиторов мирового уровня. Между тем не все знают, что двести лет назад автор замечательной музыки пребывал в глубочайшем забвении, и если бы не старания другого композитора, Феликса Мендельсона, вряд ли бы мы сейчас наслаждались инвенциями и фугами, да и в музыкальных школах произведения Баха не входили бы в обязательный минимум академических концертов.

Рецензируемая книга Натальи Гранцевой как раз и относится к, увы, пока еще редкому в нашей культуре феномену — возвращению достойного имени, а именно возвращению в сферу читательских интересов творчества напрочь забытого поэта Михаила Матвеевича Хераскова (1733–1807). Эта работа продолжает серию предшествующих публикаций: *Н. А. Гранцева. Незабвенный Херасков // Нева. — 2013. — № 11. — С. 224–243; Н. А. Гранцева. Неизвестный рыцарь России. — СПб.: Журнал «Нева», 2015. — 240 с.*

Как и в монографии 2015 года, автор выступает здесь в двух ипостасях: и как исследователь творчества поэта каждый раз в конкретном преломлении к выбранному, весьма, кстати, объемному тексту, и как референт, популяризатор этого текста и творчества в целом. С научно-популярной литературой, в том числе по литературоведению, дела у нас обстоят, мягко говоря, неважно. Тем более похвально, когда поэт (а Наталья Гранцева приписана к этой когорте!) отдает и личное время, и пространство своих книг текстам М. М. Хераскова, совершая акт восстановления справедливости по отношению к несправедливо забытому имени. Здесь проявляется хорошее знание нашей читательской психологии. Даже продвинутые книгочеи,

те же филологи, погружившись в разбор поэтики и положительно ее оценив, вряд ли поспешат в библиотеки или, что проще, поспешат окунуться в Интернет в поисках самих текстов для личного с ними ознакомления. А тут все под рукой. Не верите, что хороший, достойный автор? А вы почитайте!

Наше вступление, однако, затянулось. О чем же новая книга Н. А. Гранцевой? О самом знаменитом и малоизученном произведении поэта — поэме «Владимир». Опять парадокс: уже лет двадцать, как князя-крестителя вновь почитают, открывая памятники (наш Белгород в этом плане в 1998 году тоже «отметился» эффектным памятником, созданным скульптором Вячеславом Клыковым!), тогда как выразительный художественный опус «Владимир» М. М. Хераскова до сих пор остается невостребованным. Н. А. Гранцева пишет об этом: «Даже широко отмечавшееся недавно 1000-летие со дня смерти князя-крестителя не подвигло ни одно издательство на переиздание знаменитой эпопеи» (с. 10).

Между тем Россия остается литературоцентричной страной, и Отечественную войну 1812 года мы

«изучаем» не столько по истории России, сколько по эпопее Л. Н. Толстого. Незнание поэмы «Владимир», в которой художественно, а потому и ярко, и образно высвечен весь драматизм смены религиозных идеалов, ведет к примитивному пониманию весьма значимого события на Руси.

Разумеется, и среди историографов Русской православной церкви были талантливые исследователи, понимавшие столь непростую ситуацию переосмысления великим князем религиозных установок. Митрополит Макарий (Булгаков) так освещает сомнения и метания Владимира: «Но как Владимир мог согласиться на выслушивание, как не отверг он с первого раза предложения болгарских и затем всех прочих? Явный знак, что он уже не тверд был в своей праотеческой вере, не был сердечен к ней привержен, что он *еще прежде* внутренне в ней колебался. А между тем каким было пламенным ревнителем отеческих верований явился сей великий князь по вступлении на престол киевский! С каким усердием и любовью еще так недавно спешил он воздвигнуть богатейшие языческие истуканы и приносить им вместе с подданными во свидетельство благодарности даже человеческие жертвы!»¹.

Благодаря христианизации Россия «из региональной европейской державы превратилась в наследницу Ромейской империи — Византии» (с. 20).

При скудости исторических свидетельств не так просто было создать убедительное художественное полотно, причем полотно богатейшее по языку и при этом удобочитаемое.

Н. А. Гранцева подробно рассматривает один из механизмов успеха в реализации замысла, а именно создание персониферы, наделение героев именами и характерами. Одного Владимира было бы явно недостаточно при противостоянии языческим богам, коих список велик: Чернобог, Ний, Хорс, Семиргл, Купало, Зничь, Услад, Лада, Полель, Посвист, Волос, Дажьбог, Стрибог, Мокошь... В поэме появляются жрец Пламид и чародей Зломир, храбрец Добрыня и философ Кир, а еще Версона, Законест, Анастас, князь Ферид... Автору монографии для облегчения последующего знакомства читателей с текстом поэмы приходится пересказывать содержание, но этот пересказ своеобразен. Как и в других своих работах, Н. А. Гранцева (кстати, этим же приемом в романе «Лавр» смело пользуется Евгений Водолазкин!) пытается осовременивать академический язык традиционных интерпретаций. Отметим эти «хронемы» XXI века.

...Склонных к благородной *толерантности*; ...Демонстрирует хорошее понимание *международной обстановки*; Добрыня *без проблем* возвращен в русский стан; ...Киевские купцы везли в обозе и *значительный финансовый ресурс*; *прозреческая ориентация* киевской элиты; *стенографистки* князя Владимира не могли запечатлеть для потомков содержание *конфиденциальных бесед* киевского владыки; в византийских *спецхранах*; внятную *геополитическую картину*; окружающий его *электорат*...

Легко попенять автору за некоторую иронию, но ведь так легче читается и надежнее, цепче схватывается существо дела.

Пристально анализирует Наталья Гранцева труды Н. М. Карамзина и Д. С. Лихачева, архимандрита Августина и финского историка Х.-Г. Портана, датского писателя Адама Эленшлегера и шведского поэта Эрика Иоганна Стагнелиуса, в каждом случае выделяя только самое существенное, касающееся личности Владимира и крещения Руси. Таким образом, по существу автор книги как бы дублирует исследовательский путь самого Михаила Хераскова. Прочитируем один из заключительных фрагментов монографии: «Виртуозно работая с летописными и иносказательными образами, автор поэмы “Владимир” смог вдохнуть в талантливое предание живительный воздух поэзии и потайные смыслы подлинной истории. Возможно, потому, что сам был человеком глубоко верующим и преданным православию» (с. 80).

Непосредственно перед самим текстом поэмы «Владимир» прекрасным заключительным пассажем выступают слова Святейшего Патриарха Кирилла: «В центре Евангельского послания — одно и самое главное слово: любовь. Любовь как основа бытия, любовь как основа личной и семейной жизни, любовь как основа жизни общественной и даже государственной» (с. 81).

Перед исследователем поэмы стояла весьма сложная задача сопряжения исторических фактов и художественного их отзеркаливания в поэме М. М. Хераскова. При этом в каждой строке, в каждой реплике исследователя сквозит глубочайшее уважением и к личности великого поэта, и к уникальному подвигу написания в общей сложности трех действительно эпических поэм, и к созданию своего особого языка. Вот на этом, языковом ландшафте мы чуть-чуть и помедлим, поскольку публикация, пусть в сокращении, поэмы «Владимир» открыла возможность восхититься мастерством Хераскова-языкотворца.

Юный Сергей Бобров, будущий математик, как-то спросил отца, читавшего вслух поэму «Садко»: почему у А. К. Толстого не *венецианский*, а *венецейский*. «Отец улыбнулся. — Ну, во-первых... чтобы это было стариннее... то есть, понимаешь, русское, потом в сти-

¹ Митрополит Макарий (Булгаков). История русской церкви. Книга 1. — М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1994. — С. 242.

хах выходит лучше... и вообще ведь это поэзия... н-ну... вообще... не так, как всегда». «Не так, как всегда» — вот это-то и было то самое, что я так живо и радостно ощущал. Только я не умел сказать»¹.

Мы привыкли считать, что поэзия требует каких-либо особых включений, элементов, поэтических находок. Но вот медленное (иначе нельзя!) прочтение поэмы «Владимир» Михаила Хераскова вдруг навело нас на мысль, что поэзия требует не отдельных «элементов» и не красивых «образов». Нет, поэзия требует целого, специфического, особого... языка. И с этих позиций творчество М. Хераскова открывает интереснейшее направление филологических изысканий, которое можно обозначить как языкотворчество, созидание идеального языка.

Мы голодаем (как правило, неосознанно!) по идеальному языку — языку молитв, языку настоящей поэзии. Отсюда поиски-пробросы в словотворчество и новую ритмику, в эпатажную образность и звуко-символизм. И все равно в итоге обнаруживаем «детали» — не язык. Михаилу Хераскову же удалось последовательно воплотить идею поэтического языка.

Идеал обычно и устойчиво (в этике, искусстве) ассоциируется с *прошлым*. Херасков системно берет старинные формы: грамматические, словообразовательные (а русский язык грамматически бесконечно вариателен!) — и выстраивает на них текст. Мы не оговорились: поэт берет не только слова, берет формы! Например, усеченное прилагательное вместо полного: «безбожны капища». Или пишет: «отмсти» вм. «отомсти», «постыжается» вм. «стыдится». «*Но тот ли счастлив есть, не может кто любить*» — здесь уже синтаксис задействован древнейший. В своей монографии харьковский лингвист Г. А. Скоробогатова исследовала поэтические возможности современной нормативной грамматики². Поэзия Михаила Хераскова демонстрирует, что эти возможности кратно увеличиваются при обращении к архаике языка. В любом случае мы явно недооцениваем экспрессию грамматических форм, а у формы есть замечательное

определение, предложенное современным писателем: форма есть не что иное, как содержание в концентрированной степени.

Архаика, повторим, требует замедленного, внимательного чтения. Однако для облегчения восприятия опытный поэт прибегает, во-первых, к смежной рифмовке (аа, бб, вв...), чередуя мужские и женские типы рифм; во-вторых, к повторам, весьма облегчающим восприятие; в-третьих, к афоризмам; в-четвертых как уже отмечалось, к узнаваемым, поименованным, подчас двуличным героям; наконец, в-пятых, к динамике сюжета. Приведем хотя бы по одному примеру, начиная с «во-первых» и заканчивая «в-пятых».

1. *Как искры огненные ночную тьму прешли! / Ты были божества, которых россы чли. / Сожнулись тучей и стали вокруг кумира. / Поведай силы их, поведай свойства, лира!* (с. 91). 2. *Увы! Не может ли мне в грудь проникнуть Бог? Се гордости сосуд! Се роскошей чертог!* (с. 102). 3. *Сей крест не тягостен, тому приятен будет, / Кто к Богу прибежит, а сам себя забудет* (с. 116–117). 4. *...Плаמיד, верховный жрец, при старости маститой / Имел коварный ум, но образ саванитый... 5. Клянись и буду тверд в ужасной сей божбе: / Я сына умерщвлю, когда он враг тебе!* (с. 114).

Заслугой Натальи Гранцовой как раз и является обнаружение поэта, столь необходимого нам сейчас, с уважением к старинному слогу и ретроформам (*восиумел, доднесь, злато, доколе, воссетует, со брега, зрит, чает, пламенник, воздохнув, бледнеющая луна...*), с умением зримо и высоко писать о прошлом, с пониманием сомнений и страстей у «первых лиц» далеких-далеких эпох.

Высоко ценил Хераскова А. С. Пушкин, о чем говорится в приложении к основному тексту книги, посвященном разбору юношеской поэмы «Руслан и Людмила» как закодированного восхищения гением Хераскова. «Этой победой (поэмой “Руслан и Людмила”) Александр Пушкин выразил глубочайшее почтение к художественному подвигу Михаила Хераскова» (с. 239). Кстати, и нам, как ни кошунственно это прозвучит в год памяти (кончины) поэта, осторожнее следует обращаться с весьма распространившимся лозунгом Аполлона Григорьева: «Пушкин — это наше все!», который подспудно подчас может быть воспринят как установка на... сжатие. Достаточно, мол, знать Пушкина... Нет, нет и нет! Литература такой страны, как Россия, может и должна быть многовершинной.

¹ Бобров С. П. Мальчик: Лирическая повесть. — М.: Советский писатель, 1966. — С. 106.

² Скоробогатова Г. А. Грамматические значения и поэтические смыслы: поэтический потенциал русской грамматики (морфологические категории и лексико-грамматические разряды имени). — Харьков: Харьковский национальный педагогический университет имени Г. С. Сковороды, 2012. — 480 с.